

вом ея намерении. Благородная же она отроковица велми тому прилежаше, и в таковое строение всю свою жизнь изнури, и в болезненном своем сетовании о бозе надеющийся велию себе радость и утешение приобретаетше. И изыде слава всюду об ней, яко нигде таковое прибежище бедным странним и болным упокоение являшеся и донесено бысть о ней князю. Слышав же о ней князь, зело о том веселяшеся и многожды сам ю посещаше, — а рода и отечества ея не вопрошаше, зане не належит в мудрых чюждая ведати и стыд бо такова им суть. Болии божий промысл о том бяше. Она же благородная отроковица и цвет милости не точию единым испанцем милость творяше, и всякому чюжеземцу прибежище бяше. Зело любляху ея вси, того ради пройде слава повсюду о ней. л. 261

По неколицех же днех случися княжеским ловцем ловити рыбу и поимаша великую и страшную рыбу и принесоша ю ко князю своему в дарех. Удивлься же князь велми, и величества ради ея повеле пред своима очима распороти ей чрево, и обретоша в сердце ея той обручальный перстень с червленою обвивою, его же Бруна у Мелеонии во одежди взя, и вран ухвати и в мори потопи. Князь же зря таковая недоумевашеся и не ведяше бывшаго и нача помышляти в себе, где бы той перстень приписатьи, дабы не во грех вменилось ему быти, зело благоразумен и благолюбив сый и никогда же желаше чюждая. Предстоящи к нему рекоша, да повелит его в сокровищах своих блюсти, — немолжно к нему вопияху, глаголюще, яко не обрящется в его имени такий камык чистый и безценный. Он же, яко мудр сый, егда предсташа вопиющи, тихо их вопрошаше глаголя: о, друзи мои, вопрошаю вы, что более человеку, очесы ли зрак погубити или услаждающими сего света маловременными вещми себе увеселити? Они же рекоша: без очеснаго ничто ж ползует. Он же глагола им: правду глаголите ми, без очеснаго века сего вещи не услаждают, более же правду презирающаго и вместо разсуждения безразсудна себе являющаго. Воистину легчаше (так!) чюственных очес зрениа стоящую сию маловременную жизнь себе лишити и света не видети, нежели истиннаго света очес и вечнаго живота, глаголю правды, себе лишити или богом надареннаго светлаго светила, сиречь разум или праваго разсуждения, в себе изгубити. Правду глаголите ми, яко не обретается в сокровищах моих такий камык безценный, сим бо более понуждасте о нем мене на разсуждение, и унее к нему ума своего не привязую и возжеления своего ему не даю, зане не в мори он рожден, ни тая рыба его златом укра (так!)¹ и в червленая обвития скры, но человеческая рука, и отсюду разумети должно есть, яко не безбедно ис человеческих рук морю ему вдатися; аще кто от человек тех владеющий им и неведоми нам суть, но должно тому им властвовать, иже его нам вручи. Сего ради приписую его господеви, да не явлюся желатель чюждаго. Еще же и о сем возсылаю богублагодарение, зане на земли поставлен есмь от бога человеческих душ паситель и строитель; того ради должно нам о таковых положить милость и явити о тех поболение, ис которых рук не безболезненно таковой камык морем отъят бысть и рыбе вдадеса, более сего ради приписуем госпо-

л. 261 об

л. 262

л. 262